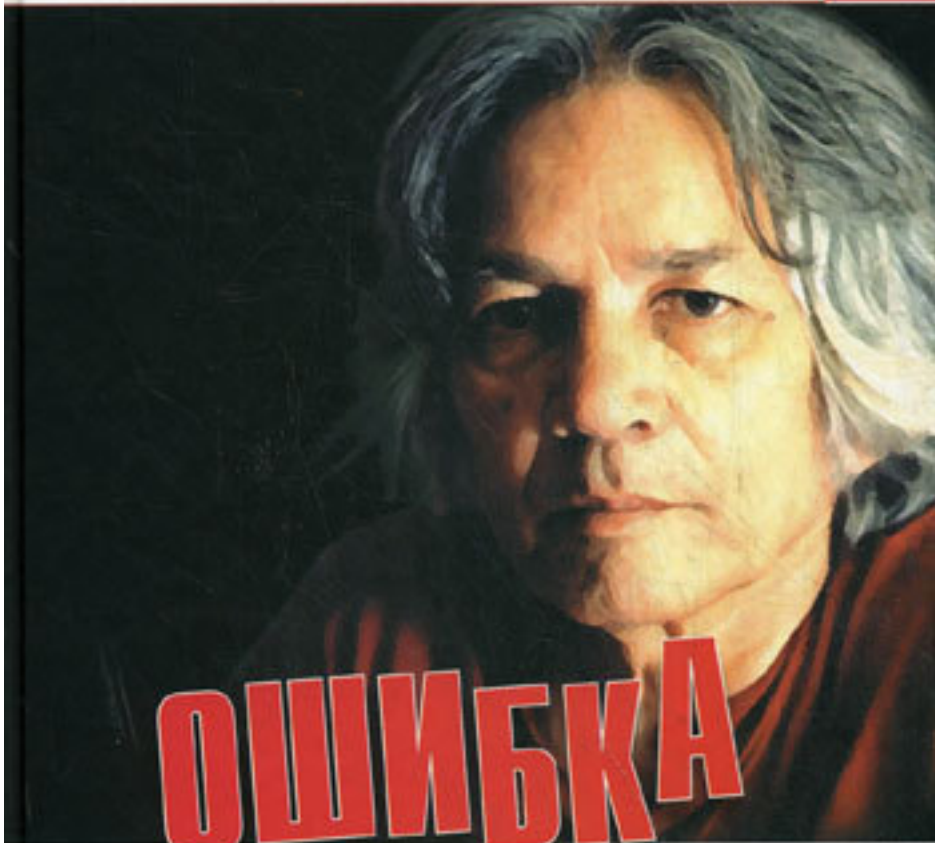

У. Г. Кришнамурти

ОШИБКА

~~ЗАГАДКА~~

ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Упалури Кришнамурти
Ошибка просветления

«ИД Ганга»

2009

Кришнамурти У. Г.

Ошибка просветления / У. Г. Кришнамурти — «ИД Ганга», 2009

ISBN 978-5-98882-094-9

Это история о человеке, у которого было все – красота, богатство, воспитание, слава, карьера – и который отдал все это за то, чтобы найти ответ на мучивший его вопрос: существует ли на самом деле свобода или просветление за всеми этими абстракциями, которыми нас забросали религии? В 49 лет с ним произошла грандиозная мутация, которая радикально изменила его восприятие, работу всех его органов чувств и физиологию тела до уровня клеток и хромосом. Все накопленное знание было полностью выметено из него, в том числе и представление о независимом «я» и противостоящем ему обществе. Он словно дошел до конца коридора, состоящего из противоположностей, – и причины, и следствия полностью исчезли. Книга представляет собой собрание ранних бесед с этим человеком, который не вписывается ни в какие существующие общественные и духовные рамки и представления. На этих беседах он бесцеремонно сносит лживую надстройку из наших заимствованных идей и установленных обычаев, ведь для того, чтобы проявилось настоящее, все ложное должно быть разрушено. Читая эту книгу, многие из вас почувствуют, что у вас отнимают все ваши хрупкие убеждения, которые вы собирали всю свою жизнь. Слова У. Г. подобны огню – они сожгут вас. Но как ни странно, они же и оживят вас.

ISBN 978-5-98882-094-9

© Кришнамурти У. Г., 2009

© ИД Ганга, 2009

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

У. Г. Кришнамурти

Ошибка просветления

«Мое учение, если именно так вы хотите это называть, не охраняется никаким авторским правом. Вы можете воспроизводить, распространять, истолковывать, искажать, коверкать его, делать с ним что угодно, даже называть себя его автором без моего согласия или чьего бы то ни было разрешения».

У. Г. Кришнамурти

Часть I

У. Г.

(Составлено из бесед в Индии и Швейцарии, состоявшихся с 1973-го по 1976 г.)

Люди называют меня «просветленным» – я не выношу этого определения – они не могут найти другого слова, чтобы описать то, как я функционирую. Я вместе с тем отмечаю, что просветления как такового вообще не существует. Я говорю это, потому что всю свою жизнь провел в поисках, я хотел стать просветленным, но обнаружил, что просветления вообще нет, так что не возникает и вопроса о том, является ли какой-то определенный человек просветленным или нет. Мне плевать на Будду, жившего в VI в. до нашей эры, а тем более на всех прочих претендентов, что есть среди нас. Это кучка эксплуататоров, наживающихся на человеческой легковёрности. Нет никакой силы вне человека. Человек создал Бога из страха. Так что проблема в страхе, а не в Боге.

Я открыл сам для себя, что нет никакого «Я», которое нужно было бы осознавать, – вот осознание, о котором я говорю. Оно приходит, как тяжелый удар. Оно потрясает тебя, как удар молнии. Ты поставил все на одну карту, на осознание своего «Я», и в результате вдруг обнаруживаешь, что нет никакого «Я», которое надо обнаружить, нет никакого «Я», которое надо осознать, – и ты говоришь себе: «Какого черта я делал всю свою жизнь?» Это просто взрывает тебя.

Со мной всякое происходило – понимаешь, я прошел через это. Физическая боль была невыносимой – вот почему я говорю, что тебе это действительно не нужно. Если бы я мог дать тебе взглянуть на это, прикоснуться к этому – тогда тебе бы вообще не захотелось касаться этого. То, что ты преследуешь, не существует; это миф. Ты бы не захотел иметь ничего общего с этим.

У. Г.: Видишь ли, я подчеркиваю, что – я не знаю, как бы ты это ни назвал; я не люблю использовать слова «просветление», «свобода», «мокша» или «освобождение»; все эти веские слова имеют свой собственный подтекст – этого нельзя вызвать никакими усилиями с твоей стороны; это просто случается. И почему это случается с одним человеком, а не с другим, я не знаю.

***Вопрошающий:** И так, это случилось с вами?*

У. Г.: Это случилось со мной.

В: *Когда, сэр?*

У. Г.: Когда мне было сорок девять. Но что бы ты ни делал, чтобы приблизиться к тому, чего ты ищешь, это стремление или поиск истины или реальности уводит тебя от твоего собственного естественного состояния, в котором ты *всегда* находишься. Это не является чем-то таким, чего ты можешь добиться, обрести или достичь в результате твоих усилий, – вот почему я использую слово «беспричинный». У этого нет причины, но каким-то образом поиск прекращается.

В: *Вы полагаете, сэр, что это не есть результат поиска? Я спрашиваю, потому что слышал, что вы изучали философию, были связаны с религиозными людьми...*

У. Г.: Понимаешь, поиск уводит тебя от себя – у него обратное направление – он не имеет никакого отношения к этому.

В: *Это случилось вопреки, а не благодаря ему?*

У. Г.: *Вопреки* – да, именно так. Все, что ты делаешь, не позволяет тому, что уже есть, выразить себя. Вот почему я называю это «твоим естественным состоянием». Ты всегда находишься в этом состоянии. Поиск мешает выразиться по-своему тому, что есть. Поиск *всегда* имеет неверное направление, так что *все*, что ты считаешь очень глубоким, *все*, что ты считаешь священным, представляет собой загрязнение в этом сознании. Вряд ли тебе понравится (*смеется*) слово «загрязнение», но все, что ты считаешь *священным, святым и глубоким*, – это загрязнение.

Итак, ты ничего не можешь сделать. Это не в твоих руках. Я не хочу использовать слово «милость», потому что если говоришь «милость», тогда чья милость? Ты не специально избранный индивид; ты получаешь это, не знаю почему.

Если бы это было возможно для меня, я бы мог помочь *кому-то*. Это нечто, чего я не могу дать, потому что у тебя *есть* это. С чего бы мне давать это тебе? Смешно просить то, что у тебя и так есть.

В: *Но я не чувствую этого, а вы чувствуете.*

У. Г.: *Нет*, это не вопрос чувствования этого, это не вопрос знания этого; ты никогда не будешь *знать*. У тебя нет никакой возможности знать это для себя; оно начинает выражать себя. Нет сознательного... Видишь, я не знаю, как это сказать. Мне никогда не приходила в сознание мысль, что я отличаюсь от кого-то.

В: *Так и было с самого начала, с тех пор как вы стали осознавать себя?*

У. Г.: Нет, я не могу этого сказать. Я искал чего-то – как любой человек, воспитанный в религиозной атмосфере, – искал чего-то, к чему-то стремился. На этот вопрос ответить не просто, потому как мне придется вдаваться во всю предысторию. Может быть, это и предстоит, я не знаю. (*смеется*)

В: *Просто из любопытства, как Начикете, мне интересно узнать, как все это произошло лично с вами, в той степени, насколько вы это осознаете.*

У. Г.: Видишь ли, это длинная история; не так все просто.

В: Мы бы хотели услышать ее.

У. Г.: Нет, понимаешь, мне придется рассказывать вам всю свою жизнь – это займет много времени. История моей жизни доходит до определенной точки, а потом прекращается – после этого нет никакой биографии.

У двух биографов, которые заинтересованы в том, чтобы написать мою биографию, два разных подхода. Один говорит, будто то, чем я занимался – *садхана* (духовная практика), образование, весь мой прошлый опыт, – привело меня к этому. Другого биографа мало интересует мое утверждение о «вопреки», потому что тут не хватает материала, чтобы он смог написать большой том. *(смех)* В этом они больше заинтересованы. Издателей тоже интересуют эти вещи. Это естественно, потому что вы действуете в сфере, где всегда действуют причинно-следственные отношения, – вот почему вам интересно обнаружить причину, как такое случилось. Итак, мы вернулись к тому, с чего начали: нас по-прежнему заботит «как».

Моя биография *бесполезна*: она ни для кого не может быть моделью, потому что твоя биография уникальна. Каждое событие в твоей жизни это нечто уникальное в своем роде. Твои обстоятельства, твое окружение, твой опыт – все отличается. Каждое событие твоей жизни отличается.

В: Я не ищу модели, которую можно было бы дать остальному миру, – я спрашиваю не с этой точки зрения. Мы видим звезду, мы видим солнце, мы видим луну – таким образом; не то чтобы я хотел подражать вам. Это может быть существенно, кто знает? Поэтому я сказал, что я здесь Начикета: я не хочу уходить, не узнав от вас истину.

У. Г.: Тебе нужен Яма Дхармараджа, чтобы он ответил на твои вопросы.

В: Если вы не против, будьте этим Ямой Дхармараджей.

У. Г.: Я не против. Помоги мне. Видишь ли, я беспомощен, я не знаю, с чего начать. Где закончить, я знаю. *(смех)* Думаю, мне придется рассказать всю историю своей жизни.

В: Мы не прочь послушать.

У. Г.: Она не приходит.

В: Вас нужно вдохновить.

У. Г.: Я не вдохновлен, и я последний человек, чтобы вдохновлять кого-то. Мне придется рассказать вам, чтобы удовлетворить ваше любопытство, другую, никчемную сторону моей жизни.

(Он родился 9 июля 1918 г. в Южной Индии, в семье брахманов, принадлежавших к верхушке среднего класса. Так как их родовое имя было Уппалури, его называли Уппалури Гопала Кришнамурти. Его мать умерла вскоре после его рождения, и он воспитывался родителями матери в городке Гудивада под Масулипатаном.)

Я воспитывался в очень религиозной атмосфере. Мой дед был очень культурным человеком. Он знал Блаватскую (основательницу Теософского Общества) и Олькотта, а позднее второе и третье поколение теософов. Все они бывали у нас в доме. Он был выдающийся юрист, очень богатый, очень культурный человек и, как ни странно, очень ортодоксальный. Он был в каком-то смысле запутавшимся ребенком: ортодоксальность и традиция, с одной стороны,

и противоположное, теософия и все такое – с другой. Ему не удалось найти баланс. Это было начало моей проблемы.

(У. Г. часто рассказывали, что его мать перед смертью сказала, что он «был рожден для неизмеримо высокой участи». Его дед воспринял это очень серьезно и оставил свою юридическую практику, чтобы посвятить себя воспитанию и образованию У. Г. Его дедушка и бабушка, а также их друзья, были убеждены, что он является йога бхраштой, тем, кто был на волосок от просветления в своей прошлой жизни.)

У него на содержании были ученые люди, и он посвятил себя по некоторой причине – я не хочу вдаваться в это – тому, чтобы создать для меня атмосферу мудрости, чтобы правильно воспитать меня, в духе теософов и всего такого. И вот каждое утро эти ребята приходили и читали *Упанишады*, *Панчадаси*, *Нишкармья Сиддхи*, комментарии, комментарии на комментарии, и все это с четырех до шести утра, и этот маленький мальчик пяти, шести или семи лет от роду – не знаю – должен был слушать все это дерьмо. Этого было так много, что к тому времени как мне исполнилось семь, я мог повторить большинство из этих вещей, отрывки из *Панчадаси*, *Нишкармья Сиддхи*, и то, и другое, и третье. Сколько праведных людей побывало в моем доме – из Ордена Рамакришны и прочих; кто угодно, и эти ребята каким-то образом гостили в этом доме и раньше – он был открыт для каждого праведника. И вот, будучи еще очень юным, я обнаружил: все они были лицемерами – они что-то говорили, во что-то верили, а их жизни были пусты, *ничтожны*. Это было начало моих поисков.

Мой дед медитировал. (Он умер, и я не хочу сказать о нем ничего плохого.) Он медитировал в течение часа-двух в отдельной комнате для медитации. Однажды маленький полторагодовалый ребенок почему-то принялся реветь. Этот парень спустился вниз и стал бить ребенка, пока тот чуть ли не посинел, – и это человек, представьте себе, который медитирует по два часа каждый день. «Посмотри! Что он сделал?» Это явилось своего рода (не хочу приводить этот психологический термин, но от него никуда не денешься) травмой. «Должно быть что-то странное со всей этой медитацией. Их жизни поверхностны, пусты. Они чудесно говорят, прекрасно выражают какие-то вещи, но как насчет их жизни? В их жизни есть этот невротический страх: они что-то говорят, но это не действует в их жизни. Что с ними не так?» – не то чтобы я осуждал этих людей.

Все это продолжалось дальше и дальше, и я оказался втянутым в это: «Есть ли что-то в том, что они проповедуют – Будда, Иисус, великие учителя? Все говорят о *мокши*, освобождении, свободе. Что это такое? Я хочу знать это сам. Все эти ребята никуда не годны, но должен же в этом мире быть человек, который является воплощением и апостолом всего этого. Если есть такой, я хочу найти его сам».

Тогда столько всего произошло. В те годы был один человек по имени Шивананда Сарасвати – он был миссионером индуизма. В возрасте от четырнадцати до двадцати одного (я пропускаю множество ненужных событий) я ходил туда и часто с ним встречался, и я все делал, совершал все эти аскезы. Я был так молод, но я был решительно настроен выяснить, есть ли *мокша*, и хотел этой *мокши* для себя. Я хотел доказать себе и всем, что в таких людях не может быть никакого лицемерия – «Все они лицемеры» – и вот я практиковал йогу, медитацию, изучал все. Я пережил всевозможные опыты, о которых говорилось в книгах, – *самадхи*, *сверх-самадхи*, *нирвикальпа самадхи*, все. Потом я сказал себе: «Мысль может создать любой опыт, какой ты только пожелаешь – блаженство, счастье, экстаз, растворение в небытии – все эти переживания. И так, это не может быть тем самым, потому что я остался таким же человеком, который механически проделывает эти вещи. Медитации не имеют никакой ценности для меня. Это никуда меня не ведет».

Тогда, видите ли, большой проблемой для меня, молодого человека, стал секс: «Это нечто естественное, биологическое, это побуждение человеческого тела. Почему все эти люди хотят отвергнуть секс и подавить нечто очень естественное, то, что является частью целого, чтобы

получить что-то еще? Оно для меня реальнее и важнее, чем *мокша*, освобождение и все такое. Вот в чем реальность – я думаю о богах и богинях, а вижу эротические сны с поллюциями – со мной происходит вот это. Почему я должен испытывать чувство вины? Это что-то очень естественное; я не могу контролировать такие вещи. Медитация не помогла мне, учеба не помогла, дисциплина не помогла. Я никогда не притрагиваюсь к соли, к чили или другим специям». А потом однажды я увидел, как наш старик Шивананда ест манго пикули за закрытыми дверями. «Вот человек, который отказал себе во всем в надежде чего-то добиться, но этот парень не может контролировать себя. Он лицемер» – я не хочу сказать о нем ничего плохого. «Такая жизнь не для меня».

В: *Вы говорите, что в возрасте от четырнадцати до двадцати одного года вы испытывали сильное половое влечение. Вы тогда женились?*

У. Г.: Нет, я не торопился; я позволил этому быть. Я хотел испытать половое влечение: «Предположим, ты ничего с этим не делаешь, что тогда произойдет?» Я хотел понять весь этот механизм: «Почему меня тянет заниматься мастурбацией? Я ничего не знаю о сексе – тогда откуда у меня всевозможные сексуальные образы?» Это было моим исследованием, моей медитацией; а не сидение в лотосе или стойка на голове. «Почему я способен формировать эти образы?» – я никогда не смотрел фильмы, на эти, знаете ли, плакаты, которые у вас теперь повсюду. «Как это так? Это что-то внутри, оно не закладывается извне. Внешнее стимулирует – стимулы приходят извне. Но есть и другой стимул, изнутри – это для меня важнее. Я с успехом могу отрезать все внешние стимулы, но как я могу вычеркнуть то, что идет изнутри?» Я хотел выяснить это.

И потом, мне также было интересно обнаружить, что такое сексуальный опыт. Хотя я никогда не испытывал секс, мне как будто были знакомы сексуальные переживания. Это продолжалось и продолжалось. Я не торопился испытать секс с женщиной, ничего такого; я позволял всему идти так, как оно шло. Это было время, когда я не хотел жениться. Моей целью было стать аскетом, монахом, и все такое – вовсе не женитьба, – но эти вещи все происходили, и я сказал себе: «Если это вопрос удовлетворения полового влечения, почему бы не жениться? Вот для чего нужно общество. Почему ты должен идти заниматься сексом с какой-то женщиной? Ты можешь иметь естественное выражение секса в браке».

Когда мне был двадцать один год, я пришел к очень сильному ощущению того, что все учителя – Будда, Иисус, Шри Рамакришна, все – дурачили себя, обманывали себя и всех вокруг. Это совершенно не могло быть тем самым – «Где это состояние, о котором говорят и которое описывают эти люди? Это описание, по-видимому, не имеет никакого отношения ко мне, к тому, как я функционирую. Все говорят: „Не злись“, а я постоянно зол. Внутри меня происходит много жестоких вещей, так что это фальшиво. То, каким эти люди говорят мне быть, фальшиво, и, будучи фальшивым, оно делает фальшивым и меня. Я не хочу жить жизнью фальшивого человека. Я жаден, а они говорят об отсутствии жадности. Тут что-то не так. Эта жадность – что-то реальное, естественное для меня; неестественно то, о чем говорят они. Где-то что-то не так. Но я не готов менять себя, подделывать себя ради того, чтобы оказаться в состоянии отсутствия жадности; моя жадность является для меня реальностью». Я жил среди людей, которые без конца рассуждали об этих вещах – все были фальшивы, говорю тебе. И вот каким-то образом то, что вы называете «экзистенциалистской тошнотой» (я тогда не пользовался этими словами, но теперь, так получилось, я знаком с этими понятиями), отвращение ко всему священному и всему святому, пробралось в мою систему и исторгло из меня все: «Больше никаких *шлок*, никакой религии, никаких практик – в этом ничего нет; то, что есть здесь, это нечто естественное. Я зверь, я чудовище, я полон жестокости – вот реальность. Я полон желаний. Отсутствие желаний, отсутствие жадности, отсутствие гнева – все эти вещи

не имеют для меня никакого значения; они фальшивы, и они не только фальшивы, но и меня делают фальшивым». И вот я сказал себе: «Я завязываю со всем этим» – но, видишь ли, это не так-то просто.

Потом мне кто-то встретился, мы обсуждали все это. Он обнаружил во мне практически атеиста (но не практикующего атеиста), скептического ко всему, еретика с головы до ног. Он сказал: «Есть тут один человек, где-то недалеко от Мадраса в Тируваннамалае, его зовут Рамана Махарши. Давай поедem и посмотрим на него. Вот живое человеческое воплощение индуистской традиции».

Я не хотел видеть никаких святых людей. Если ты видел одного, ты видел их всех. Я никогда не выискивал таких людей, не сидел у ног мастеров, учась чему-то; потому что каждый говорит тебе: «Делай больше и больше одного и то же, и ты получишь это». Все, что я получал, так это больше и больше опытов, и потом эти опыты требовали постоянства – а постоянства не существует. Так что «Все праведники – обманщики, они говорят мне только то, что есть в книгах. Это я могу прочитать – „Делай то же самое снова и снова“ – этого я не хочу. Не хочу опытов. Они пытаются поделиться со мной своим опытом. Меня не интересует опыт. Что касается опыта, то для меня нет разницы между религиозным и сексуальным опытом или каким-то другим; религиозный опыт сродни любому другому».

Меня не интересует переживание Брахмана, не интересует переживание реальности; не интересует переживание истины. Они, возможно, могут помочь другим, но мне они не способны помочь. Мне не интересно снова и снова делать одно и то же; хватает того, что я уже сделал. В школе, если тебе нужно решить математическую задачу, ты повторяешь это вновь и вновь – ты решаешь математическую задачу и обнаруживаешь, что ответ заключается в самой задаче. Так какого черта ты делаешь, пытаешься решить проблему? Легче сначала найти ответ, вместо того чтобы проходить через все это».

Итак, нехотя и сомневаясь, я отправился к Рамане Махарши. Тот парень потащил меня. Он сказал: «Тотчас езжай туда. С тобой произойдет нечто». Он говорил об этом, дал мне книгу «Поиски в скрытой Индии» Поля Брантона, и я прочитал главу об этом человеке – «Ладно, я не против, пойду и посмотрю». Этот человек сидел там. Только от одного его присутствия я почувствовал: «Что! Этот человек – как он может помочь мне? Этот парень, который читает комиксы, шинкует овощи, играет с тем, другим, третьим – как может этот человек помочь мне? Он не может помочь мне». И все-таки я сел там. Ничего не произошло; я смотрел на него, а он смотрел на меня. «В его присутствии ты чувствуешь тишину, твои вопросы исчезают, его взгляд меняет тебя» – все это осталось сказкой, выдумкой для меня. Я сидел там. Внутри было множество вопросов, глупых вопросов и вот: «Вопросы не исчезли. Я сижу тут уже два часа, а вопросы все также здесь. Ладно, задам ему несколько вопросов» – потому что тогда я очень сильно желал *мокши*. Идея *мокши* была привнесена моим духовным окружением и я хотел ее. «Вас считают освободившимся человеком» – этого я не сказал. «Вы можете дать мне то, что есть у вас?» – я задал ему этот вопрос, но он не ответил, и спустя какое-то время я повторил вопрос: «Я спрашиваю: „То, что есть у вас, можете вы дать мне это?“» Он сказал: «Я могу дать, но можешь ли ты взять это?» Боже! Впервые этот парень говорит, что у него есть что-то и что я не могу взять это. Никто до этого не говорил: «Я могу дать тебе», а этот человек сказал: «Я могу дать, но можешь ли ты взять это?» Тогда я сказал себе: «Если есть в этом мире кто-то, способный взять это, так это я, ведь я проделал так много *садханы*, семь лет *садханы*. Он может думать, что я не могу взять это, но я могу. Если я не могу, то кто может?» Такой у меня тогда был настрой – знаете, (*смеется*) я был так уверен в себе.

Я не остался у него, я не прочел ни одну из его книг, я задал ему еще несколько вопросов: «Может ли человек когда-то быть свободным, а когда-то нет?» Он сказал: «Ты либо свободен, либо вообще не свободен». Был еще какой-то вопрос, я его не помню. Он ответил очень стран-

ным образом: «Нет ступеней, ведущих тебя туда». Но я проигнорировал все это. Эти вопросы не имели для меня никакого значения – ответы меня ничуть не интересовали.

Но этот вопрос «Можешь ли ты взять это?»... «Как он самонадеян!» – вот что я почувствовал. «Почему я не могу взять это, что бы это ни было такое? Что это такое, что есть у него?» – таков был мой вопрос, естественный вопрос. И вот сложился вопрос: «Что это за состояние, в котором были все эти люди – Будда, Иисус и вся эта компания? Рамана находится в этом состоянии – так считают, я не знаю – но этот малый такой же, как я, тоже человек. Чем он отличается от меня? То, что говорят другие, или то, что говорит он, для меня не важно; любой может делать то, что делает он. Что это? Он не может слишком сильно от меня отличаться. Его тоже произвели на свет родители. У него есть свои особые идеи по поводу всего этого. Некоторые люди говорят, что с ним что-то произошло, но чем он отличается от меня? Что там такое: *что это за состояние?* – это был мой главный вопрос, основной вопрос – он не оставлял меня. Я должен сам выяснить, что это за состояние. Никто не может дать это состояние; я тут сам за себя. Мне придется отправиться в это неизведанное море без компаса, без лодки, даже без плота. Я сам выясню, что это за состояние, в котором находится этот человек». Я очень хотел этого, иначе я не отдал бы всю свою жизнь на это.

В: Это дать-взять – я не понимаю.

У. Г.: Я не могу сказать, что он имел в виду, когда говорил: «Я могу дать, но можешь ли ты взять это?», но это в какой-то мере помогло мне сформулировать мой собственный вопрос. Понимаешь, если бы кто-то сейчас задал мне похожий вопрос, я бы сказал, что тебе нечего получать от кого бы то ни было. Кто я такой, чтобы дать это тебе? У тебя есть то же самое, что и у меня. Мы все на улице Саннидхи, 25, а вы спрашиваете меня: «Где улица Саннидхи, 25?» Я говорю, что вы там. Не то чтобы я знал, что я там. Это желание знать, где ты, – вот какой вопрос вы задаете.

(У. Г. говорит, что он больше ни разу не был у Раманы или кого-то из «этого религиозного народа» и никогда не притрагивался ни к одной религиозной книге, кроме как для подготовки к экзаменам по философии.)

Тогда начался мой настоящий поиск. Во мне было все мое религиозное воспитание. Тогда я начал исследование. Несколько лет я изучал психологию и философию (восточную и западную), мистицизм, все современные науки – все, всю сферу человеческого знания, я начал исследовать самостоятельно. Поиск все продолжался, и вопрос мой был: «Что это за состояние?», и он обладал собственной силой. Итак, «Все это знание не удовлетворяет меня. Зачем все это читать?» Одним из моих предметов для получения степени магистра была психология – к сожалению, в то время она входила в нашу учебную программу. Я интересовался психологией по той простой причине, что меня всегда интриговал ум: «Где этот самый ум? Я хочу что-нибудь знать о нем. Здесь, внутри меня, я не вижу никакого ума, но все эти книги говорят об уме. Посмотрим, что могут сказать об уме западные психологи». Однажды я спросил своего преподавателя: «Мы постоянно говорим об уме. А сами вы знаете, что такое ум? Мы изучаем столько книг – Фрейд, Юнг, Адлер и вся эта компания. Я знаю весь этот материал – я читаю определения и описания в книгах – но знаете ли вы сами что-то об уме?» Он сказал: «Не задавай таких неудобных вопросов. *(смех)* Это очень опасные вопросы. Если хочешь сдать экзамен, просто пиши конспекты, запомни их и воспроизведи в экзаменационной работе – и получишь свою степень». «Меня не интересует степень; я хочу узнать об уме».

(Его дед умер, и У. Г. бросил Университет Мадраса, так и не получив степени. В 1934 г. он женился.)

Тогда я связался с Теософским Обществом, из-за моего происхождения. Я унаследовал от моего деда Теософское Общество, Дж. Кришнамурти и кучу денег. Так что мне было про-

сто: тогда было много денег – пятьдесят или шестьдесят тысяч долларов – и я мог всем этим заниматься. Я стал лектором в Теософском Обществе (*и со временем У. Г. был избран Объединенным генеральным секретарем Общества в Индии*), но в глубине души был далек от этого: «Все это подержанная информация. Какой смысл читать лекции?» Я тогда был очень хорошим оратором, не то что сейчас. Я был первоклассным оратором, повсюду давал лекции, на каждой трибуне. Я выступал во всех университетах Индии. «Это не является для меня чем-то настоящим. Любой, у кого есть мозги, может собрать эту информацию и потом вываливать ее. Что я делаю? Зачем я впустую трачу свое время? Это не средство к существованию для меня. Если ты зарабатываешь этим себе на хлеб, ладно, это я могу понять – ты повторяешь, как попугай, одно и то же и так зарабатываешь на жизнь; но для меня это не средство существования. И все же что-то в этом представляет для меня интерес».

Потом (*в конце 1940-х, ближе к завершению теософского периода в жизни У. Г.*) появился Дж. Кришнамурти. Он только что вернулся из США и начал свой новый...

В: *Вы с Кришнамурти родственники?*

У. Г.: «Кришнамурти» – это всего лишь нареченное имя, не фамилия. Его фамилия Джидду – «Кришнамурти» довольно распространенное имя – Джидду Кришнамурти.

Я связался с ним. Я слушал его семь лет, каждый раз, когда он приезжал. Я никогда не встречался с ним лично, потому что вся эта история с «Мировым Учителем» и прочее создавали определенную дистанцию. Я не принадлежал к узкому кругу приближенных; я всегда оставался на периферии, не желая впутывать себя. Там присутствовало то же самое лицемерие, в том смысле, что в их жизнях ничего не было; они были пусты – ученые люди, властители дум, выдающиеся фигуры. «Что это? Что стоит за этим?»

Потом ситуация изменилась и семь лет спустя обстоятельства свели нас вместе. Я встречался с ним каждый день – мы с ним обсуждали все. Меня совсем не интересовали его абстрактные рассуждения. Я сказал ему как-то: «Ты уловил современный психологический жаргон и пытаешься выразить нечто с помощью этого жаргона. Ты перенимаешь анализ и приходишь к выводу, что анализ – это не то. Такой анализ лишь парализует людей, а не помогает им. Он парализует меня». У меня был тот же самый вопрос: «Что такое есть у тебя? Эти абстракции, что ты изливаешь на меня, они меня не интересуют. Стоит ли что-то за этими абстракциями? Что это? У меня есть какое-то чувство – не могу сказать, откуда – что стоящее за этими абстракциями, которые ты высказываешь, и есть то, что меня интересует. Я почему-то чувствую – это, может быть, мое воображение – что ты (приводя знакомое, традиционное сравнение), возможно, и не попробовал сахар, но, по крайней мере, как будто смотрел на него. То, как ты все описываешь, дает мне ощущение, что ты хотя бы видел сахар, но я не уверен, что ты его попробовал».

И вот так мы с ним бились год за годом. (*смеется*) Между нами были некоторые индивидуальные различия. Я хотел от него прямых, честных ответов, которых он не давал по каким-то своим причинам. Он был очень осторожен – он что-то защищал. «Что тебе защищать? Повесь свое прошлое на дерево и оставь все это людям. Зачем тебе защищаться?» Я хотел прямых, честных ответов о его подноготной, а он не давал мне удовлетворительных ответов. И вот в конце концов я настоял: «Ну же, есть ли что-нибудь за абстракциями, которые ты изливаешь на меня?» И этот парень сказал: «У тебя нет никакого способа *знать* это самому». Все – это был конец наших отношений, знаете – «Если у меня нет способа знать это, тогда у тебя нет никакого способа передать это. Какого черта мы делаем? Я потратил семь лет впустую. Прощай, я не хочу больше видеть тебя». И я ушел.

(*Где-то в это время У. Г. был поражен появлением определенных психических сил.*)

До того как мне исполнилось сорок девять, у меня было столько сил, столько опытов, но я не обращал на них никакого внимания. Стоило мне только увидеть человека, я мог видеть все его прошлое, настоящее и будущее, он мог ничего и не говорить. Я не использовал их; я был *удивлен, поражен*, понимаете – «Почему у меня есть эта сила?» Иногда я говорил какие-то вещи, и они всегда происходили. Я не мог вычислить механизм – я пытался – «Как могу я говорить нечто подобное?» Эти вещи всегда происходили. Я не играл с этим. Потом были определенные неприятные последствия, некоторые люди пострадали.

(У. Г. путешествовал по всему миру, по-прежнему давая лекции. В 1955 г. он со своей женой и четырьмя детьми переехал в Соединенные Штаты в поисках лечения полиомиелита его старшего сына. К 1961 г. его деньги закончились, а он начал ощущать в себе потрясающий переворот, который не мог и не хотел контролировать и которому предстояло продлиться шесть лет и закончиться «катастрофой» (как он называет свое вхождение в естественное состояние). Его брак распался. Он посадил свою семью на самолет в Индию, а сам отправился в Лондон. Он прибыл туда без гроша в кармане и начал скитаться по городу. Три года он бесцельно жил на улице. Его друзья видели, что он безудержно катится по наклонной, но он говорит, что в то время его жизнь казалась ему совершенно естественной. Позднее религиозно настроенные люди, описывая те годы, прибегли к выражению мистиков «темная ночь души», но, с его точки зрения, тогда не было «ни героической борьбы с соблазном и приземленностью, ни схваток души с желаниями, ни поэтических кульминаций, но лишь простое увядание воли».)

Было похоже на то, будто у меня больше нет головы: «Где моя голова? Есть у меня голова или нет? Кажется, голова есть. Откуда приходят мысли?» – такой вопрос стоял передо мной. Голова отсутствовала, и только эта часть передвигалась. Не было никакой воли, чтобы что-то сделать: это было похоже на лист, носимый ветром туда, сюда, куда угодно, живя никчемной жизнью. Это все продолжалось. Наконец – я не знаю, что произошло – однажды я сказал себе: «Такая жизнь никуда не годится». Я был практически бомжом, который жил на подаяния каких-то людей и ничего не знал. Не было воли – я не знал, что делаю – я был практически сумасшедшим. Я был в Лондоне, бродил по улицам – жить было негде – и я бродил по улицам всю ночь напролет. Меня всегда останавливали полицейские: «У тебя нет жилья? Мы посадим тебя в каталажку». Такую я вел жизнь. Днем я сидел в Британском Музее – я мог достать билет. А что читать в Британском Музее? Мне было ничуть не интересно читать – книги меня не интересовали – но, чтобы делать вид, будто я пришел почитать, я брал толковый словарь подпольного сленга – нелегальных людей, преступников – всевозможного сленга. Я сколько-то читал его, чтобы провести день, а ночью шел куда-нибудь. Так все и продолжалось.

Однажды я сидел в Гайд-Парке. Подошел полицейский и сказал: «Ты не можешь тут оставаться. Мы тебя вышвырнем». Куда идти? Что делать? Денег нет – думаю, у меня было только пять пенсов в кармане. Мне в голову пришла мысль: «Ступай в Миссию Рамакришны». Вот и все, только эта мысль из ниоткуда – может быть, это было мое воображение. У меня не было никакого другого пути, кроме блуждания по улицам, а этот парень наседал на меня, и я сел на метро и доехал до конечной. Оттуда я дошел до миссии, чтобы встретиться со *свами*. Там сказали: «Ты не можешь видеть его сейчас. Время десять вечера. Он не будет с тобой встречаться. Ни с кем не будет встречаться». Я сказал секретарю, что мне *необходимо* видеть его. Потом я положил перед ним этот альбом с газетными вырезками – это был я: мои лекции, отзывы в «Нью-Йорк Таймс» о моих лекциях, моя биография.

Каким-то образом я сохранил этот альбом, некогда подготовленный моим менеджером в Америке. «Это *был* я, а вот я *сейчас*». Тогда он сказал: «Что ты хочешь?» Я сказал:

«Я хочу пойти в комнату для медитации и просидеть там всю ночь». Он сказал: «Этого ты не можешь сделать. У нас есть правило не пускать никого в комнату для медитации после восьми часов вечера». Я сказал: «Тогда мне некуда идти». Он сказал: «Я организую комнату для тебя. Остановись сегодня в гостинице, а потом приходи». И я остановился в гостинице.

На следующий день я пришел туда, усталый, в двенадцать дня. Они ели. Меня накормили. Впервые у меня был настоящий обед. До этого я потерял даже аппетит; я не знал, что такое голод или жажда.

После обеда меня позвал *свами* и сказал: «Я ищу именно такого человека, как ты. Мой помощник, который выполнял редакторскую работу, душевно болен – он оказался в больнице. Мне нужно выпустить номер Столетия Вивекананды. Ты как раз тот человек, что мне нужен сейчас. Ты можешь мне помочь». Я сказал: «Я не могу ничего писать. Возможно, я и занимался редактированием в те годы, но сейчас я не могу ничего делать. Я конченный человек. Я не могу ничем помочь в этом деле». Он сказал: «Нет, нет, нет, вместе мы способны на что-то». Он очень сильно нуждался в ком-то, имеющем образование в области индийской философии и всего такого. Он мог заполучить кого угодно, но он сказал: «Нет, нет, нет, все нормально. Отдохни какое-то время, оставайся здесь, я о тебе позабочусь». Я сказал: «Я не хочу выполнять литературную работу. Дайте мне комнату, и я буду мыть вам посуду или еще что-то делать, но на такую работу я абсолютно неспособен». Он сказал: «Нет, нет, нет, я так хочу». Так что я попробовал что-то сделать; не ради самоудовлетворения, не для его удовольствия, но каким-то образом мы вместе выпустили это издание.

Он также давал мне деньги, пять фунтов, как и всем другим *свами*. Впервые у меня было пять фунтов – «Что же делать с ними?» Я потерял чувство ценности денег, потому что у меня их долго не было. Когда-то я мог выписать чек на сто тысяч рупий; спустя некоторое время у меня не было ни пайсы в кармане; теперь есть пять фунтов. «Что же делать с ними?» – и я решил на эти деньги посмотреть все фильмы, которые шли в Лондоне. Я оставался в миссии и с утра выполнял работу, обедал в час дня и отправлялся в кино. Пришло время, когда я не мог больше найти ни одного фильма. На окраине Лондона показывали три фильма за один шиллинг или что-то вроде того, и вот запас фильмов истощился, а деньги кончились.

Сидя в комнате для медитации, я каждый раз думал об этих людях, что медитировали вокруг: «Зачем они занимаются всеми этими глупостями?» К этому времени все это вышло из моей системы. Но в этом центре медитации у меня были очень странные переживания: что бы это ни было – будь то мое собственное воображение – факт остается фактом: впервые я чувствовал какое-то особенное... Я сидел, ничего не делая, смотрел на этих медитирующих людей и жалел их: «Эти люди медитируют. Почему они хотят достичь *самадхи*?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.